

Служенье добру и свету...

Принято считать, что поэт в России — больше, чем поэт... Применима ли эта хрестоматийная евтушенковская строчка к Игорю Игнатенко? Чем для него является поэтическое творчество? Призванием, увлечением, привычкой, профессией, формой самореализации, потребностью в признании, способом заявить свою гражданскую позицию, стремлением учительствовать, пророчествовать? Наверное, всем перечисленным и еще многим другим. Но главное — для него это наиболее естественная форма существования, самый органичный способ познания себя и мира.

Его собственная жизненная стезя интересна и поучительна уже тем, что вобрала в себя все то, через что прошло большинство людей его поколения: трудное военное и послевоенное детство, учеба в школе и вузе, комсомол, спорт, армия, настоящая мужская дружба, любовь, семья, дети, а позже и внуки, обретения и утраты, духовные и творческие искания, вера с светлые идеалы и такое же будущее... Но, может быть, в еще большей степени биография Игнатенко примечательна тем, что пришлась на эпоху грандиозных социально-политических разломов рубежа XX–XXI столетий, на пору глобальных деформаций идеологических и духовно-нравственных основ, всего уклада жизни. Он не отрекался от того подлинно ценного, что вместила в себя советская эпоха, но и не цеплялся за отжившую идеологическую догматику, не пытался оправдать преступные деяния власти против народа. И при этом не спешил вливаться в хор задним умом прозревших «разоблачителей», не облачался в тогу беспристрастного судии века, с которым была неразрывно связана большая часть его жизни. «Уходит век. / Простись с ним. / И прости» («Уходит век») — так емко и мудро, с редким чувством меры и такта поэт выразил свое отношение к полному противоречий столетию.

В период, когда размывался ценностный фундамент общества, Игорь Игнатенко сумел сохранить устойчивую систему духовно-нравственных и социально-исторических координат, о чем и свидетельствует его творчество. Его поэзия и проза — это органичный сплав, если так можно выразиться, *русскости* и *советскости*, синтез наиболее близких националь-

ному духу ценностей, в числе которых — потребность в высоких идеалах, социальная справедливость, совесть, милосердие, коллективизм, любовь к родине, мир, труд, семья:

Всему мерило черный хлеб и труд,
А не гордыня, вправленная в золото.

Да будет мир!

Да будет детям Завтра!

И распрям всем —

Да будет Божий суд!

(«Междоусобица»)

Как рассказывал сам поэт, его детские и ранние юношеские годы можно разделить на три части. Первая — жизнь в таежном селе Ромны, от рождения (4 мая 1943 г.) и вплоть до четвертого класса школы. Это время было заполнено радостью познания окружающего мира, прежде всего природного:

Это было когда-то,

Лет уж тридцать назад.

Я нырял в Кочковатом,

Распугав лягушат.

Бултыхался на Гребле,

Рвал на пойме щавель

И любил эту землю,

Как свою колыбель...

(«Кирпичный завод»)

Следующие два года — Хабаровск, где отец Игоря учился в краевой совпартшколе. На эту пору приходятся увлечения фотоделом, греблей и авиамodelьным спортом. Пять завершающих школьных лет прошли в центре амурского земледелия — Тамбовке. Именно здесь произошло то, что определило дальнейшую судьбу Игоря: на чердаке дома их школьного товарища, Анатолия Дробязкина, ребята нашли несколько поэтических сборников Есенина: «Радуница», «Голубень», «Преображение», «Сельский часослов», «Березовый ситец», «Исповедь хулигана»... Автобиографический герой рассказа «Вечерний разговор о невозвратном», вошедшего во второй том «Избранного», подробнее рассказывает об этом случае: «Как потом Толик узнал, книжки отец из детдомовской библиотеки притащил

домой. Там приготовились их сжечь по списку запрещенной литературы... Стали читать стихи там же, на чердаке... На фоне школьной хрестоматийной тягомотины будто из другого мира слышали голос...»

Игорь Данилович прав: из *другого*... Знакомство с Есениным «потрясло на всю оставшуюся жизнь, словно в нас ударил разряд грозовой молнии», — так много лет спустя передавал свои детские впечатления Игнатенко. Произошло настоящее чудо — пробуждение творческого духа. Давно замечено, что в стихах Есенина ощутимо присутствие Божьего Духа. Об этом, в частности, писал А. Солженицын в *крохотке* «На родине Есенина»: «Я иду по деревне этой, каких много и много... и волнуясь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и еще сегодня он обжигает мне щеки здесь... Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столькое для красоты — у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, — красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..» В христианском богословии иногда используется метафора «внутренний свет», обозначающая изначальное предрасположение человеческой души к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. В таком понимании *внутренний свет* приравнивается к *озарению*, к религиозной интуиции и противопоставляется вере, построенной на рациональной основе, на опыте. Именно такой тип религиозности был присущ Есенину. Так что творческая искра, родившая амурского поэта, по сути, возникла от соприкосновения с тем светом, который излучает поэтическое слово Есенина. Внутренний свет есенинской лирики — это отражение божественной энергии, «небесного огня», *опалившего* когда-то окрестности Константинова. Вот что способно по-настоящему озарить, осветить, обогреть жизнь человека и окружающий его мир — небесный огонь. Там, на чердаке, читая Есенина и сам того не сознавая, юный Игорь Игнатенко впервые ощутил его таинственное воздействие. Много позже он признавался: «Не знаю я молитвы ни одной, / Помимо этой: “Господи, помилуй!”» («*На поле Куликовом*»). Это, однако, не помешало ему понять, что подлинная поэзия должна изнутри освещаться лучами *внутреннего солнца* (выражение И. А. Ильина) — то есть излучаемого Творцом и отражаемого художником *небесного сияния*. Свет — важнейшая категория в творчестве Игоря Игнатенко. Можно вспомнить, что книгу своей прозы (2006) он назвал «Свет памяти», что в стихотворении «Памяти Игоря Еремина» определил миссию поэта как «служенье добру и свету». Но дело даже и не в самом слове: главное, что этот *внутренний свет* излучают его произведения, — читатель «Избранного» непременно ощутит это.

Другое обстоятельство, предопределившее судьбу Игоря, — влияние семьи, матери прежде всего: «В доме царил культ книги... Вслед за родителями я читал запоем, многого еще не понимая, книжки Толстого и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Драйзера и Некрасова, Кольцова... Мама укрепила меня в мысли, что литературное творчество — одно из самых лучших дел на свете». Свою сыновнюю благодарность и трепетную любовь к рано ушедшей матери Игорь Игнатенко выразил в *венке сонетов* «Ровесница» и других проникновенных стихах, вошедших в первую часть раздела «Сердцебиение».

А дальше были истфил Благовещенского пединститута (1959–1964) — там, по его словам, он «набирался ума-разума под руководством прекрасных педагогов А. Лосева, Б. Лебедева, А. Чешева, Е. Сычевского, В. Брысиной...», служба в Советской армии (1964–1965), работа журналистом на Амурском радио (с 1965), в редакциях газет «Амурская правда», «Авангард», «Кадры — селу», корреспондентом на строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Многочисленные поездки по Приамурью, Дальнему Востоку и Советскому Союзу подарили яркие впечатления, нашедшие отражение в творчестве.

Как поэт Игнатенко впервые заявил о себе еще в студенческие годы, публикуя стихи в институтской многотиражке «За педагогические кадры» и областных газетах, выступая на встречах с читателями в молодежных аудиториях. Позже его произведения печатались во многих региональных и центральных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С 1982 г. и по настоящее время писатель выпустил восемнадцать книг стихов и прозы. Пришло заслуженное признание — и читательское, и официальное: он дважды становился лауреатом Амурской премии в области литературы и искусства.

Семь лет (1977–1984) Игорь Игнатенко возглавлял областное литературное объединение «Приамурье». Был организатором и руководителем областных совещаний молодых литераторов, давших путевку в большую литературу не одному десятку поэтов и прозаиков. В 1991 г. стал членом Союза писателей России, а в 1996-м был избран председателем правления Амурской областной общественной писательской организации и до сих пор ее возглавляет.

Но главное, чем все эти годы была наполнена его жизнь, — творчество, творчество, творчество...

В уже упоминавшееся «Сердцебиение» автор включил тематические блоки, посвященные основным этапам и событиям своей личной судьбы. Ключевые темы и мотивы раздела — Амурский край, его природа и люди,

физическое и нравственное становление человека, успехи и преодоления, радости и невзгоды, красота и любовь. Особо следует выделить стихи, отражающие детские и юношеские впечатления, занятия спортом (к слову сказать, в молодости Игнатенко был многократным чемпионом и рекордсменом области по легкой атлетике, чемпионом Дальнего Востока по десятиборью), любовные переживания. Ранние стихи до краев наполнены восторгом, упоением юностью, в них — нерастраченная «свежесть, буйство глаз и половодье чувств». Это настоящий гимн родному краю, родителям, землякам, друзьям, наставникам, женщине, подарившей ему счастье и детей, это открытость, распахнутость души перед миром.

Тема родной природы находит высшее свое воплощение в разделе «Месяцеслов». Представленная в нем пейзажная лирика — яркая, многокрасочная, одухотворенная палитра. Это открытие растворенной в мире гармонии, это признание в любви к своей малой родине. Амурская земля, на которой поэт родился, с которой неразрывно связан — это тот малый уголок отчизны, который до слез трогает его душу. Воспевая природу Приамурья, ее красоту и совершенство, Игнатенко постигает и общее устройство мира, начинает ощущать свою органическую с ним связь.

В раздел «Багульник» включены стихи для детей. При их чтении возникает чувство, что писались они не о детях вообще и адресовались не абстрактным малолетним читателям, а вполне конкретным — своим собственным детям и внукам. Может быть, поэтому и получились такими светлыми, добрыми, искрящимися озорным юмором. И именно поэтому, как ни парадоксально, могут быть интересны не только детям, но и взрослым.

Особая страница творчества Игнатенко — стихи о Великой Отечественной. Казалось бы, что нового может сказать поэт о войне через пятьдесят лет после Победы? Да еще если сам не воевал, не нюхал, как говорится, пороху. Тем не менее, он сумел сказать это новое слово. Может быть потому, что обладает даром художественного перевоплощения, способностью проживать чужую жизнь как свою собственную, чувствовать за другого, а может быть потому, что, так или иначе, война коснулась непосредственно и его самого. Да, он не воевал — поздно родился, но зато видел собственными глазами ее последствия: хлебнувших лиха бывших фронтовиков («Бомбежка»), калек («Самовар»), выставку трофейной немецкой техники («Сражение в Сокольниках»). Война убила, покалечила, угнала в плен родных ему людей («Рабы не мы»). Стихи Игоря Игнатенко о Великой Отечественной — из лучших в его творчестве, из самых пронзительных. Из тех, что долго не забываются. Секрет

этой пронзительной силы — в выведенных героях: непридуманных, неповторимых, живых:

Замшелый, словно пень, Василий Крошко

Словцо промолвил звонкое: «Бомбежка!»

Они горячий самогон с отцом

Плеснули в чарки с этим вот словцом.

«А было так, — припомнил дед Василий, —

Нас «Юнкеры» под Киевом месили.

Забился в щель я, словно мышь в нору,

И думал: не убьют, так сам помру...»

(«Бомбежка»)

Второй том «Избранного» составили прозаические произведения Игоря Игнатенко — по-своему интересные, порой захватывающие. Все они имеют автобиографическую основу и тематически связаны с лирикой. Хотелось бы поговорить о прозе поэта обстоятельно — она того заслуживает, — однако тесные рамки предисловия такой возможности не дают. Ограничусь тем, что адресую читателей к добротному предисловию Николая Георгиевского, которое предпослано уже упоминавшейся книге «Свет памяти», а в первую очередь, разумеется, — к самим произведениям, составившим прозаический том.

В первый же, поэтический том, о котором далее пойдет речь, автор включил лирику, поэму «Годовые кольца», переводы — всего 368 стихотворений из примерно двух тысяч, созданных им более чем за полвека. То есть на суд читателей действительно выносятся *избранное* — лучшее, представляющее разные грани и периоды творчества поэта, разные жанры и темы. Конечно, не всё вошедшее художественно равноценно: одни тексты давно уже стали признанной классикой амурской литературы, другие важны для автора как вехи его жизненной и творческой судьбы, как память о том или ином событии или человеке. В их числе есть и такие, в которых довлеют дидактизм, морализаторство, публицистичность. Но справедливо ли, как это нередко случается, любые моралистические сентенции считать недостатком? Вряд ли. Один из самых ярких образцов такой поэзии — «Баллада о лосиных рогах», в которой автор негодует, страстно обличает сановников за жестокие «барские» забавы, а их угодливых подчиненных — за холопство, но в данном сюжетно-тематическом и жанровом контексте открытое выражение гражданской позиции, суровые моральные оценки эстетически оправданы.

Когда высокий долгожданный гость,
Желая экзотической охоты,
Взнуздает вертолеты, вездеходы,
Во мне вскипает, словно наледь, злость!
Да не к нему, а к свите пробивной, —
Всяк спину льстиво гнет перед вельможей,
Ну только что не выскочит из кожи
С душонкою ничтожной, продувной...

Хотя, возможно, в отдельных случаях поэт заслуживает упреков и за немотивированный дидактизм, и за показное раздражение по поводу некоторых важнейших атрибутов современной цивилизации (которыми сам, наверняка, с удовольствием пользуется): «Набросит паутину-Интернет / На наши уши и на наши души...» («Мобильник»), «Мобильники кандалами сковывают руки прохожих» («*Urbis*») и т. д.

Читая и перечитывая стихи Игнатенко, невольно обращаешь внимание на одну удивительную особенность: в юности и ранней молодости поэт живет настоящим и одновременно устремлен в будущее, полон счастливых ожиданий, верит, что самое радостное ждет и его самого, и Амурский край, и страну впереди; в зрелые же годы, напротив, мыслями и чувствами он все чаще возвращается вспять, в прошлое — и свое собственное, и историческое.

Еще одно наблюдение: в ранний период творчества он ощущал себя прочно укорененным прежде всего на взрастившей его амурской почве: «Родная приамурская земля, / Какие ветры над тобой шумели, / Гремели грозы и мели метели! / Раскину руки и скажу: “Моя!”» («*Я сын полей*»). Ему не казались тогда тесными родные места, пространство Приамурья. И время, которое молодой поэт внутренне переживал, было то же самое, что отбивали куранты главной кремлевской башни и отмеряли циферблаты часов его современников. «Нелегко путь, но ветер века, / Он в наши дует паруса», — так это мироощущение человека советской эпохи выразил А. Твардовский, еще один близкий автору «Избранного» художник. В зрелой лирике, по-прежнему испытывая щемяще-острую привязанность к малой родине и современности, Игнатенко все чаще осознает свою принадлежность России, Универсуму и Истории. Если прежде центром его поэтического космоса были места, где прошли детство и юность — Ромны, Тамбовка, Гильчин, Чергали, Хохлатское, Благовещенск, то теперь этим центром становится страна — Русь, Россия. И ощущает он себя не только *амурцем*, но и *русичем*. Он перестает ассоциировать себя только с современностью, сво-

бодно передвигаясь по шкале исторического времени и *по волнам своей памяти*. Теперь поэт — в равной мере современник и строителей БАМа, и бойцов Красной армии времен Великой Отечественной, и воинов дружины князя Игоря, и ополченцев времен Минина и Пожарского:

Я тоже Игорь, Ингвар, скандинав,
Я тыщу лет на сече был кровавой,
И я на смерть давно имею право,
От вероломства всех князей устав...

(«Междоусобица»)

Обостренное переживание за Русь, которая с давних пор и доньше не может преодолеть «плен и мрак поражения и разора», которую по-прежнему «терзает враг» («Князь Игорь Новгород-Северский») — одно из самых стойких переживаний поэта.

Обращение к истории для него — это, в том числе, обращение к своей прапамяти, к тому, что на генном уровне передалось от далеких предков. То есть это и познание себя. И поэт способен ужаснуться догадке, что в нем и его современниках все еще живы зоологические инстинкты пращуров:

Я откопал на огороде
осколок камня — им когда-то
скоблил мой предок шкуру зверя, —
пришелся камень по руке;
и осенило — вот награда,
а может статья, и расплата
за то, что мало в чем различен
я с ним, аборигеном, жившим
в своем далеком далеке...

(«Находка»)

Русь в стихах Игнатенко — не просто территория или общность проживающих на ней народов, не просто государство со всеми его институтами, это еще и феномен национальный, духовный и мистический. Но прежде всего — исторический. Древняя Русь, запечатленная в легендах, исторических документах, литературе, на определенном этапе творчества становится средоточием многих его переживаний и дум. Да и Амур, Приамурье теперь все чаще воспринимаются в историческом контексте, во временной перспективе, в свете преданий о первопроходцах, о тех, кто присоединил к

России амурские земли. В поэте пробуждается чувство древности русской (и Амурской, в том числе) земли, хранившаяся в глубинах его сознания и подсознания историческая память.

Не случайно первый том «Избранного» открывают не детские или юношеские стихи автора, а зрелые его тексты, составившие самый большой раздел книги — «Времена». В нем поэт выстраивает свою собственную систему исторических координат. Среди событий, которые привлекают его внимание, поход князя Игоря, Куликовская битва, освоение Приамурья, Сталинградское сражение, битва за Берлин, строительство БАМа, Зейской и Бурейской ГЭС, августовский путч 1991 года... Этому ретроспективно развернутому событийному ряду соответствуют персонажи: Игорь Новгород-Северский, московский князь Дмитрий, Иоанн IV, Пушкин, Поярков, Муравьев-Амурский, Невельской, Иннокентий Вениаминов... К известным именам можно добавить имена простых людей, тоже реальных, невыдуманных, но не попавших в скрижали истории: переживший лютую бомбежку ветеран войны Василий Крошко, дядя поэта Иван, пропавший в немецком плену, тетя Елена, дважды сбегавшая из плена, двоюродный дядя Иван Игнатенко, мичман торпедного катера, кавалер медали Нахимова...

Своеобразный пролог поэтического тома — стихотворение «Археологи», задающее тональность и идейно-смысловую направленность всему своду избранной лирики Игоря Игнатенко. Автор соединяет в этом произведении свою собственную судьбу с общей судьбой народа, Приамурье с Россией, настоящее с прошлым, время с вечностью, землю с небом... Заданная смысловая парадигма проявляет себя уже в заглавии. *Археологи* — это те, кто по отдельным сохранившимся предметам и даже их небольшим фрагментам воссоздает общую картину исторического прошлого: не только подлинный облик полуистлевшей, распавшейся на бесформенные части вещи, но и быт, культуру, образ жизни и психологию предков: «Черепки от разбитой посуды / Так сумеете соединить, / Что протянется из ниоткуда / Воссозданий связующих нить». И не только археолог, но и поэт или, выражаясь научно, лирический субъект стихотворения Игнатенко — та самая пушкинская «времен связующая нить», средоточие всех пространственно-временных и человеческих скреп, пересечений и связей.

И не является ли лирика выпускника историко-филологического факультета БГПИ Игоря Игнатенко своеобразной художественной, поэтической археологией, цель и смысл которой — победа над тлением, распадом, забвением, иначе говоря, над смертью? Поэтическое слово и

становится для автора тем магическим кристаллом, который дает возможность оживить то, что, казалось, навсегда кануло в Лету:

Здесь когда-то стоял у Амура
Древний пращур, суровый, как Бог.
Исподлобья, с таежным прищуром,
Озирал он великий поток.
Что мерещилось предку?
Что мнилось?
У струящейся в вечность воды
Беглой строчкою что приоткрылось,
И упрятало, стерло следы?
Плыли зори.
Клубились туманы.
Сыпал звезды ночной небосвод...
Затерявшихся лет караваны
Продолжают к нам трудный поход...

Художественный идеал, к которому стремится Игорь Игнатенко, — *воскрешение словом*, творчество, которое сродни *чудотворству*. Автор «Августа» в данном абзаце процитирован и упомянут не всуе: слишком явственно приведенные выше строчки «Археологов» перекликаются с последней строфой «Гефсиманского сада», которым Пастернак завершает «Тетрадь Юрия Живаго»: «Я в гроб сойду и в третий день восстану, / И, как сплавляют по реке плоты, / Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты». «Затерявшихся лет караваны» в стихотворении Игнатенко плывут на суд не только к археологам, но и к художнику слова, поэту.

О миссии поэта, о смысле творчества, о своих ближайших собратьях по ремеслу, ушедших и здравствующих — И. Еремине, Б. Машуке, О. Маслове и других, Игнатенко размышляет много: этой теме он посвятил отдельную большую сплотку стихов (под номером V) в разделе «Времена». Главная сквозная мысль всех этих произведений сводится к простой формуле: творчество — это поединок со смертью: «Значит, я обречен только верить и ждать... / Жить в заветных твореньях и не умирать» («Неведомое»).

Каждый пишет, как он дышит. Если принять за аксиому известные строчки Окуджавы и перечитать стихи Игнатенко в хронологическом порядке, то можно заметить, что его поэтическое дыхание не остается неизменным, что ритмико-интонационный строй его лирики меняется и что это изменение имеет определенную направленность. И дело, видимо, не

в том, что с возрастом у человека меняется интенсивность его реакций на окружающее. И не только в том, что, чем опытнее автор, тем настойчивее он стремится продемонстрировать широту своих художественных возможностей и потому меняет, варьирует ритмы. Объяснение этому феномену иное: они, эти ритмы и интонации, неотделимы от мироощущения, которое на протяжении жизни не может оставаться неизменным.

Если попытаться в самом общем виде определить направленность мировоззренческой и эстетической эволюции Игоря Игнатенко, то, возможно, уместна следующая формулировка: от социального и возрастного оптимизма, от в какой-то степени идиллических представлений о жизни, от восторга перед открывающимся миром, от простого логического и образного отражения увиденного — к постижению драматизма бытия, к обретению способности проникать во внутреннюю сущность явлений, прозревать в сиюминутном и конкретном вечное и универсальное. А кроме того, к осознанию, что не все можно выразить в прямой понятийной и даже образной форме. Похоже, здесь не обошлось без влияния Лермонтова («Есть речи — значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно...») Не случайно появление в поздних стихах Игнатенко глубинных, подтекстных смыслов и глубинной же, внутренней мелодики, играющей не прикладную, сугубо формальную, а самостоятельную содержательно-смысловую роль. Впрочем, это прекрасно выразил и сам поэт в стихотворении «Звуки»: «Есть стихи — им слов не надо — / Ритмы пульса по ночам, / Наказанье и награда, / Век бы слушал и молчал».

Поздняя лирика Игнатенко — это не оптимизм и пафос, а раздумья о смысле бытия, о хлебе насущном, что так тяжело достается человеку. Не столько категоричное утверждение, основанное на уверенности в обладании истиной, сколько поиск ответов на вопросы, в том числе неразрешимые. От одической тональности поэт все более склоняется к элегической, от публицистичности — к философскому размышлению, *думе*. В стихотворении «Читая “Слово о полку Игореве”» настроение, которое все чаще овладевает поэтом, нашло поистине афористичное воплощение: «Посмотри, / Подумай, / Помолчи». Сознательно или нет, но автор здесь апеллирует к Тютчеву, к его знаменитому: «Молчи, скрывайся и тай / И чувства и мечты свои... Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь» («*Silentium*»).

Возраст лирического героя поздних стихов Игнатенко — возраст зрелости, житейской и философской мудрости. А это, в свою очередь, не могло не вести к поиску соответствующей художественной формы, в том числе жанровой. На смену, условно говоря, одам, гимнам, сатирам приходят не-

канонические, «нелитературоведческие» жанры, восходящие к фольклору или, чаще, к христианской традиции: *воззвание, заклинание, заговор, плач, похвала, притча, молитва*... Показательно, что в «Избранное» автор включил стихотворения, жанр которых так и определил — «молитвы».

Исповедальность, доверительно-сдержанная интонация, прозрачная ясность мысли и чувства, простота стиля, подчеркнутое отсутствие формальных изысков — таковы самые выразительные черты лирики Игнатенко. Обращает на себя внимание также склонность автора, с одной стороны, к юмору и особенно иронии, с другой, к высокому слогу, к словам, которые многими ныне воспринимаются как архаика — и не только лексическая, но и понятийная: *стяги, стезя, честь, взыскует*...

Подводя итог сказанному, можно заключить: Игорь Игнатенко создал свой собственный, во многом неповторимый художественный мир. Его избранные сочинения, несомненно, встанут в один ряд с лучшими произведениями таких известных амурских авторов, как Леонид Волков, Федор Чудаков, Игорь Еремин, Борис Машук, Николай Фотьев, Владислав Лецик. Но не только. Масштаб и значение художника по-настоящему могут быть осознаны лишь в системе национальных ценностных и культурных координат. Думается, творчество Игоря Игнатенко в этих координатах не теряется. По этой причине в предисловии цитировались и упоминались писатели высокого ряда: именно они оказали на певца Приамурья самое большое влияние, именно они наиболее близки ему мировоззренчески и эстетически, именно с ними Игорь Игнатенко ведет напряженный творческий диалог на протяжении всей своей творческой судьбы.

Александр Урманов,

доктор филологических наук,

профессор, заведующий

кафедрой литературы

Благовещенского государственного

педагогического университета